
Общины сестёр милосердия и женские православные монастыри во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Любовь Мельникова

Communities of the Sisters of Charity and female Orthodox monasteries in the Russian-Turkish war of 1877–1878

Lubov' Mel'nikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., ставшей одним из важнейших событий в жизни России второй половины XIX в., посвящены десятки трудов¹. Однако подавляющая их часть подробно освещает в основном военно-дипломатическую сторону конфликта, тогда как вопросы, касающиеся отношения к Восточному кризису 1870-х гг. различных слоёв русского общества, а также их участия в войне, до сих пор изучены недостаточно². Зияющей лакуной в историографии остаётся проблема, связанная с ролью в событиях того времени Русской Православной Церкви. Между тем славянские восстания в Боснии, Герцеговине и Болгарии (1875–1876), жестоко подавленные турками, а также основополагающая идея войны, выраженная в манифесте императора Александра II от 12 апреля 1877 г. как «облегчение участи угнетённого христианского населения Турции»³, вызвали в нашей стране небывалый общественный подъём.

Показательным примером взаимодействия Церкви и общества в ходе войны является деятельность общин сестёр милосердия, непосредственно связанная с работой Общества попечения о раненых и больных воинах, с первых дней своего существования больше известного как «Красный Крест». Ряды сестёр Красного Креста существенно пополнили в то время послушницы и монахини русских православных обителей, активно отозвавшиеся на призыв Святейшего Синода принять участие в уходе за ранеными и больными действующей армии. Самоотверженное служение сестёр милосердия оказало значительную помощь

© 2016 г. Л. В. Мельникова

¹ См., например: Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 1–9. СПб., 1901–1913; *Гейсман П. А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. Вып. 1–2. СПб., 1906; *Епанчин Н. А.* Освободительная война 1877–1878 гг. СПб., 1902; *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 г. М., 1956; *Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978; *Нарочницкая Л. И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг. К столетию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1979; *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. София, 1977; *Маринов М., Узунов Х.* Русско-турецкая Освободительная война. София, 1978; и др.

² По отдельным аспектам этой проблемы написано немного, см.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960; *Орлик О. В.* Представители прогрессивной интеллигенции России – участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 1978. № 4; *Хевролина В. М.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // Вопросы истории. 1978. № 9; *Кочуков С. А.* «За братьев-славян»: русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012.

³ ПСЗ-II. Т. 52. Ч. 1. СПб., 1879. № 57155.

Военно-медицинскому ведомству и способствовало дальнейшему развитию гуманистического движения по оказанию частной помощи на театре военных действий, взятого незадолго до начала войны под защиту международного права.

Подвиги русских сестёр милосердия на Балканах привлекли внимание исследователей ещё в ходе Русско-турецкой войны. Уже в 1879 г. вышла книга П. А. Илинского, в которой впервые была поднята данная проблема⁴. В дальнейшем тема затрагивалась в основном в публикациях по истории медицинского образования и российской благотворительности⁵. В последние годы появилось несколько обобщающих работ, посвящённых истории российских общин сестёр милосердия: «Очерки...» А. В. Постернака, содержащие значительные, но не всегда точные сведения⁶, коллективная монография «Сёстры милосердия России», где представлены в основном петербургские общины⁷, и книга Е. Н. Козловцевой, рассказывающая о прошлом московских общин⁸.

Цель данной статьи – кратко изложить историю возникновения российских общин сестёр милосердия; определить их численность накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; дать классификацию по характеру их службы и ведомственной принадлежности; проанализировать роль сестёр милосердия на театре военных действий и в тыловых госпиталях; показать участие в уходе за ранеными и больными воинами монахинь и послушниц женских православных монастырей; рассмотреть значение и результаты деятельности общин для российской действующей армии.

Первая русская община сестёр милосердия была учреждена в марте 1844 г. в Санкт-Петербурге членами Российского Императорского Дома – великими княгинями Марией и Александрой Николаевнами, принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским и его супругой Терезией Васильевной. Первоначально община не имела собственного наименования, лишь в 1873 г. её называли Свято-Троицкой (согласно одноимённой домово́й церкви Живоначальной Троицы, освящённой ещё 5 сентября 1844 г., накануне 40-го дня со смерти вел. кн. Александры Николаевны). Учредители новой для России организации декларировали, что пользовались примером лютеранских общин диаконисс.

Рассматривая устройство Свято-Троицкой общины, послужившей в дальнейшем образцом для большинства российских заведений подобного рода, Постернак называет её «полумонашеской»⁹. Л. А. Карпычёва оспаривает его мнение, утверждая, что в отличие от своих западных прототипов первые российские общины сестёр милосердия «были учреждениями частной и, отчасти, общественной благотворительности, а не церковными организациями»¹⁰.

---

⁴ *Илинский П. А.* Русская женщина в войну 1877–1878 г. Очерк деятельности сестёр милосердия, фельдшерниц и женщин-врачей. СПб., 1879.

⁵ См., например: *Шибков А. А.* Первые женщины России в медицинской школе и на войне до XX в. Л., 1957; *он же.* Первые женщины-медики России. Л., 1961; *Романюк В. П.* История сестринского дела в России. СПб., 1998; *Власов П. В.* Обитель милосердия. М., 1991; *он же.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001; и др.

⁶ *Постернак А. В.* Очерки по истории общин сестёр милосердия. М., 2001.

⁷ *Сёстры милосердия России.* СПб., 2005.

⁸ *Козловцева Е. Н.* Московские общины сестёр милосердия в XIX – начале XX века. М., 2010.

⁹ *Постернак А. В.* Указ. соч. С. 55.

¹⁰ *Карпычёва Л. А.* Общины сестёр милосердия и Православная церковь // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004–2005. СПб., 2005. С. 120–138.

Безусловно, это так: из всех российских общин сестёр милосердия XIX – начала XX в. к церковным организациям можно отнести лишь несколько: в частности, псковскую Иоанно-Ильинскую (1868) и московскую Владычне-Покровскую (1870), поскольку они состояли в ведении Святейшего Синода и под местным начальством епархиальных архиереев, а непосредственно управлялись настоятельницами монастырей, к которым были приписаны (соответственно – Псковского Иоанно-Предтеченского и Серпуховского Введенского Владычного¹¹). Тем не менее независимо от ведомственной принадлежности во всех общинах значительное место занимала духовно-религиозная составляющая, что было закономерно для Российской империи, где православие являлось господствующей религией и составляло основу мировоззрения русского народа.

Основатели Свято-Троицкой общины, не желая «подчинять сестёр милосердия строгостям монашеских уставов» и одновременно стремясь «избежать неудобства чисто светского общежития»¹², заимствовали многие элементы устройства общины (совместные проживание и молитва, безвозмездная работа, строгие правила поведения) из уклада православных монастырей. Это сплачивало и дисциплинировало коллектив, а самому заведению придавало дополнительный духовный смысл. В общину принимались вдовы и девицы всех сословий в возрасте 20–40 лет. От кандидаток требовались «набожность, милосердие, целомудрие, воздержание, опрятность, снисходительность, скромность, доброта, терпение, безусловное повиновение постановлениям»¹³. В течение года они проходили испытание, во время которого их обучали основам медицины и уходу за больными, а также проверяли их деловые и нравственные качества. По истечении испытательного срока женщины, признанные достойными, становились сёстрами милосердия. В церкви общины они давали торжественное обещание (присягу) «доколе сил достанет» «по долгу христианского милосердия» заботиться «о телесном и душевном здравии болящих». Санкт-Петербургский митрополит торжественно возлагал на каждую из сестёр золотой наперсный крест на зелёной ленте, на одной стороне которого помещалось изображение Богородицы с надписью «всех скорбящих радость», а на другой – слово «милосердие». Крест являлся символом исповедания христианства и принадлежности к общине. Эти правила и традиции (с некоторыми вариациями) перешли во все открывшиеся впоследствии общины сестёр милосердия.

Согласно уставу, утверждённому Николаем I в октябре 1848 г., Свято-Троицкая община находилась под покровительством императрицы Александры Фёдоровны, которая для управления заведением назначала Комитет во главе с председательницей, а для «сношения с высшими правительственными лицами и присутственными местами» – попечителя. Деятельностью общины непосредственно руководила начальница, избиравшаяся Комитетом из «своей среды». «Главным блюстителем заведения в нравственном и религиозном отношениях» был священник, в обязанности которого, в частности, входило

---

¹¹ 19 июня 1878 г. Владычне-Покровская община сестёр милосердия была «отчислена» от Серпуховского Введенского Владычного женского монастыря и стала самостоятельным учреждением (РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 70, л. 186 об.).

¹² Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестёр милосердия в Санкт-Петербурге за 50-летие. 1844–1894. СПб., 1895. С. 6.

¹³ Устав Свято-Троицкой общины сестёр милосердия // Уставы и правила общин сестёр милосердия. СПб., 1879. С. 98.

«внушение сёстрам истинного, на христианском самоотвержении основанного, милосердия»¹⁴.

Ещё до принятия устава учредители Свято-Троицкой общины представили его проект на рассмотрение митрополита Московского Филарета (Дроздова), высказавшего ряд замечаний и предложений, не все из которых, однако, были учтены. В частности, иерарх выступил против межконфессионального характера заведения, предупреждая, что разность вероисповеданий станет препятствием для того, чтобы «сгармонизировать общину в духовно-нравственное единство, одушевить одним общим духом и дать ей внутреннюю силу»¹⁵. Дело в том, что в уставе не было правила, запрещающего принимать в общину лиц инославного вероисповедания. В 1848 г. в ней состояли 12 православных сестёр, 5 лютеранок и 3 католички¹⁶. При заведении даже действовали две одноимённые церкви – православная и лютеранская. Со временем опасения митрополита Филарета подтвердились, и с 1855 г. в общину стали принимать только православных женщин. Задачами её были «попечение о бедных больных, утешение скорбящих, приведение на путь истины лиц, предававшихся порокам, воспитание детей бесприютных и исправление детей с дурными наклонностями»¹⁷.

Первой общиной, созданной специально для помощи раненым и больным воинам, стала Крестовоздвиженская. Она была основана в октябре 1854 г., во время Крымской войны, по инициативе и на средства вел. кн. Елены Павловны. В утверждённых Николаем I документах об учреждении этой организации подчёркивалось, что она создаётся «на время военных действий» с целью «содействия медицинскому начальству в военных госпиталях при уходе за ранеными и больными, а также облегчения их страданий посредством христианского утешения»¹⁸. В течение войны в общину приняли 163 женщины. Они прошли краткий курс обучения, приняли присягу и в составе шести отрядов отправились в Крым, где под руководством главного врача общины Н.И. Пирогова, подвергаясь постоянной опасности, ухаживали за ранеными воинами в Севастополе, Симферополе, Перекопе, Бельбеке и Бахчисарае. Со временем часть сестёр была командирована в Херсон, Николаев, Або и Гельсингфорс (Хельсинки)¹⁹. После войны Елена Павловна добилась разрешения Александра II обратить Крестовоздвиженскую общину из учреждения временного в постоянное. В утверждённом императором в мае 1870 г. уставе общины были расширены её цели («уход за больными в лечебных заведениях, лечение бедных, вспомоществование бедным и сиротам» и др.), при этом особо оговаривалось, что в военное время она «принимает участие в уходе за ранеными и больными в госпиталях, ближайших к месту военных действий»²⁰.

¹⁴ Там же. С. 105, 109.

¹⁵ Замечания митрополита Филарета на устав Свято-Троицкой общины сестёр милосердия и проект новых правил для общины // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 4. М., 1886. С. 270–273.

¹⁶ Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестёр милосердия в Санкт-Петербурге... С. 81.

¹⁷ Устав Свято-Троицкой общины сестёр милосердия. С. 97.

¹⁸ ГА РФ, ф. 647, оп. 1, д. 329, л. 40, 42.

¹⁹ Подробнее см.: *Мельникова Л. В.* Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. С. 133–161.

²⁰ Устав Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия // Уставы и правила общин сестёр милосердия. С. 1–2.

Служение в годы Крымской войны «сестёр Креста» (как называла членов своей общины Елена Павловна) имело огромное значение как первый в мире опыт применения женского труда для ухода за ранеными непосредственно на театре военных действий. Крестовоздвиженская община стала прообразом международного движения Красного Креста, предвосхитив его основную гуманистическую идею²¹.

Основателем Красного Креста традиционно считается швейцарский предприниматель и общественный деятель Ж. А. Дюнан, ставший в июне 1859 г. очевидцем страшных бедствий, которые претерпели раненые в Сольферинской битве. В 1862 г. он опубликовал брошюру «Воспоминания о Сольферино», где, ярко описав «изнанку войны», выразил идею создания системы добровольных медицинских обществ для оказания помощи раненым во время военных действий. На эту книгу одним из первых обратил внимание Центральный комитет Женевского общества попечения об общественных пользах и нуждах, назначивший комиссию для изучения вопроса о возможности претворения идей Дюнана в жизнь. Данная комиссия под председательством генерала Г.-А. Дюфура разработала соответствующую программу, для обсуждения которой в 1863 г. в Женеве была созвана международная конференция. Прибывшие на неё представители 17 европейских государств (от России – вел. кн. Елена Павловна и вел. кн. Константин Николаевич) поддержали предложение о создании обществ попечения о раненых и больных воинах, а также постановили ходатайствовать перед правительствами своих стран о признании нейтральными и неприкосновенными в военное время лазаретов с ранеными, врачебно-санитарного персонала и лиц добровольной помощи.

10(22) августа 1864 г. уполномоченные 12 государств подписали Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, узаконившую указанные положения и заложившую основу для дальнейшего развития международного гуманитарного права. В качестве «общеизвестной и однообразной» эмблемы, свидетельствующей о международной защите и нейтралитете, конвенция установила «красный крест на белом поле». Его следовало изображать на флагах, помещаемых на полевых лазаретах и транспортах раненых (наряду с национальными флагами), и на нарукавных повязках врачебно-санитарного персонала²². Эта эмблема, являющаяся также символом христианской любви и гуманности, вскоре дала название всему международному движению и национальным обществам, взявшим на себя заботу о раненых воинах.

Постепенно к конвенции присоединились практически все европейские государства. Россия сделала это в 1867 г.²³ Тогда же в стране было учреждено Общество попечения о раненых и больных воинах, инициатором создания которого выступил лейб-медик Ф. Я. Карель, сумевший увлечь своей идеей фрейлину императрицы баронессу М. П. Фредерикс и её близкую подругу М. С. Сабину (преподавательницу музыки вел. кн. Сергея Александровича и великой княжны Марии Александровны). 15–16 декабря 1866 г. придворные дамы обратились с этим вопросом к императрице, а Карель – к императору. В результате

---

²¹ Подробнее см.: Мельникова Л. В. Крестовоздвиженская община сестёр попечения о раненых как прообраз Красного Креста // Российская история. 2009. № 5. С. 119–134.

²² См.: Основание Российского общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1867–1875 гг. (Систематический сборник материалов). Т. 1. Киев, 1881. Приложение № 1. С. 1–4.

²³ ПСЗ-П. Т. 42. Ч. 2. СПб., 1871. № 44992.

Александр II поддержал инициативу лейб-медика и разрешил приступить к составлению устава Общества, а государыня Мария Александровна согласилась принять учреждаемую организацию под своё покровительство.

3 мая 1867 г. Александр II утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах. Главной целью организации провозглашалось «содействие во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами и доставление им, по мере средств своих, как врачебного, так и всякого рода вспомоществования». Для достижения этой цели следовало накапливать денежные и материальные средства (за счёт взносов членов Общества и сбора пожертвований), заниматься подготовкой сестёр и братьев милосердия, а также «заботиться о приглашении на военное время духовных пастырей разных исповеданий для религиозного пособия и утешения страждущих»²⁴.

Члены Общества делились на несколько категорий: учредители, вносившие ежегодно в его пользу не менее 10 руб. или единовременно не менее 200 руб.; почётные члены (представители императорской фамилии, а также духовные и светские лица), способствовавшие его успешной деятельности; члены-благотворители, сделавшие значительные денежные пожертвования; действительные члены, ежегодно жаловавшие не менее 3 руб. или единовременно не менее 50 руб.; соревнователи, жертвовавшие меньшие суммы.

Администрацию Общества попечения о раненых и больных воинах представляли управления – Главное (находилось в Санкт-Петербурге и заведовало всеми делами организации) и местные (располагались в столичных и губернских городах и решали соответствующие вопросы в пределах своих губерний). Для содействия местным управлениям учреждались также Дамские комитеты²⁵.

Особое участие в становлении Красного Креста приняла Русская Православная Церковь. В мае 1867 г. с призывом вступить в учреждаемое общество обратился к россиянам митрополит Московский Филарет. Почётными членами Общества стали несколько церковных иерархов, в том числе митрополиты: Московский – Филарет, Новгородский и Санкт-Петербургский – Исидор (Никольский), Киевский и Галицкий – Арсений (Москвин), Литовский и Виленский – Иосиф (Симашко).

Московский Дамский комитет возглавила игуменья Вознесенского монастыря Паисия. Именно этот комитет на базе четырёх московских монастырей (Вознесенского, Алексеевского, Страстного и Зачатьевского) начал в 1867 г. процесс подготовки сестёр Красного Креста, приняв на своё иждивение 24 изъявивших на то желание женщины²⁶. Почин игуменьи Паисии вскоре подхватили другие Дамские комитеты и местные управления. В 1868–1875 гг. обучением сестёр милосердия при военных госпиталях, городских и земских больницах занимались уже 32 учреждения Общества (13 Дамских комитетов и 19 местных управлений). Правда, подготовить им удалось лишь 131 сестру Красного Креста²⁷.

В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Общество попечения о раненых и больных воинах начало создавать собственные общины сестёр милосердия. В 1868 г. в ведение Московского Дамского комитета перешла община «Утоли моя пе-

²⁴ Там же. Ч. 1. СПб., 1871. № 44519.

²⁵ Там же.

²⁶ Основание Российского общества Красного Креста... С. 123.

²⁷ Там же. С. 126.

чали», основанная в 1865 г. кн. Н.Б. Шаховской. В ноябре 1870 г. совместными усилиями 5-го и 2-го Петербургских Дамских комитетов в столице была открыта община Святого Георгия, затем учредили Мариинскую – в Иркутске (1871), Смоленскую (1872), Екатерининскую – в Новгороде (1873), Мариинскую – в Ярославле (1874), Тифлисскую (1875), Благовещенскую – в окрестностях Ялты (1875) и др. Отмечу, что Благовещенскую основали баронесса Фредерикс и Сабинина: первая предоставила в распоряжение общины своё имение Джемиет (на южном берегу Крыма), а вторая стала её настоятельницей.

Все эти учреждения руководствовались собственными уставами или временными правилами, сходными в общих чертах. Управлялись они чаще всего местными Дамскими комитетами, избиравшими начальниц для непосредственного руководства сёстрами и заведывания хозяйством. Задачами заведений стали попечение о раненых и больных воинах в военное время и уход за больными в военных госпиталях и гражданских больницах – в мирное.

Накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Российской империи насчитывалось не менее 18 общин сестёр милосердия. По ведомственной принадлежности их можно разделить на три категории: находившиеся в ведении Общества попечения о раненых и больных воинах (Красного Креста); епархиальные (состоявшие в ведении Святейшего Синода и под местным начальством епархиальных архиереев); «частные благотворительные» (созданные по инициативе и на средства особ из Императорского Дома и знатных дворянских родов) (см. табл.).

Кроме того, общины сестёр милосердия различались по характеру деятельности, определявшемуся прежде всего широтой поставленных перед ними задач. В этом смысле их можно разделить на две группы: преследовавшие общие благотворительные цели (как правило, епархиальные и частные общины) и ориентированные в основном на уход за ранеными и больными воинами (Крестовоздвиженская и общины, находившиеся в ведении Красного Креста). Однако такое разделение условно, ибо практически все общины в военное время заботились о раненых воинах, а в мирное – о гражданских больных.

В исторической литературе существует иная классификация, предложенная в своё время Илинским и повторённая затем Постернаком и некоторыми другими современными исследователями. Она заключается в разделении общин сестёр милосердия на следующие три категории: имевшие широкие благотворительные задачи, военные (т.е. ставившие главной целью помощь раненым и больным воинам) и епархиальные²⁸. Однако эта классификация представляется мне некорректной, так как в ней отсутствует единый критерий оценки.

Помимо создания общин, в которых сёстры милосердия жили и работали в течение многих лет (практически постоянно), Общество попечения о раненых и больных воинах продолжало готовить так называемых сестёр Красного Креста, составлявших своеобразный резерв на случай войны. Пройдя курс обучения («не более двух лет») и выдержав экзамен («испытание»), они могли вернуться к обычному образу жизни или работать в госпиталях и больницах, но при этом были обязаны в случае начала военных действий «во всё время таковых» «прослужить в распоряжении Общества». 31 января 1875 г. «Правила о сёстрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными

---

²⁸ См., например: *Постернак А.В.* Указ. соч. С. 100; *Белова Е.Е.* Сёстры милосердия в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 33–34.

Общины сестёр милосердия, существовавшие в России в 1876 г.

Название	Местонахождение	Год основания	Ведомственная принадлежность
Свято-Троицкая	Санкт-Петербург	1844	Частная благотворительная
Стурдзовская	Одесса	1850	Частная благотворительная
Община сестёр милосердия Литейной части	Санкт-Петербург	1853	Частная благотворительная
Крестовоздвиженская	Санкт-Петербург	1854	Частная благотворительная
Покровская	Санкт-Петербург	1858	Частная благотворительная
Марии Магдалины	Псковская губерния	1865	Частная благотворительная
«Утоли моя печали»	Москва	1865	Красный Крест (с 1868 г.)
Александро-Мариинская	Аккерман	1868	Красный Крест
Иоанно-Ильинская	Псков	1868	Епархиальная
Владычне-Покровская	Москва	1870	Епархиальная
Святого Георгия	Санкт-Петербург	1870	Красный Крест
Мариинская	Иркутск	1871	Красный Крест
Смоленская	Смоленск	1872	Красный Крест
Екатерининская	Новгород	1873	Красный Крест
Иосифовская	Екатеринославская губерния	1873	Епархиальная
Мариинская	Ярославль	1874	Красный Крест
Тифлисская	Тифлис	1875	Красный Крест
Благовещенская	Ялта	1875	Красный Крест

Составлено по: РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 70; Основание Российского общества Красного Креста... С. 128–147; Сёстры милосердия России. С. 162. (П. А. Ильинский по состоянию на 1879 г. называет ещё 10 общин: Никольскую в Москве и 9 общин Красного Креста: в Гельсингфорсе, Тамбове, Ревеле, Пскове, Вильне, Варшаве, Харькове, Одессе (Касперовская) и Киеве (см.: *Ильинский П. А.* Указ. соч. С. 272)). Однако Московская Никольская община закрылась в середине 1870-х гг. и была восстановлена только в 1914 г.; общины Красного Креста в Варшаве, Одессе и Киеве возникли в 1878 г., после окончания Русско-турецкой войны; в остальных местах существовали либо курсы по подготовке сестёр Красного Креста, либо совсем малочисленные общины: 3–4 сестры при местном управлении Общества попечения о раненых и больных воинах).

воинами» были официально утверждены министром внутренних дел А. Е. Тимашевым²⁹.

Несмотря на все старания Красного Креста, накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в России не хватало женского медицинского персонала. В ноябре 1876 г. председатель Главного управления Общества А. К. Баумгартен запросил у Главного военно-госпитального комитета программу ускоренной подготовки сестёр. Согласно представленному документу, срок обучения сестёр Красного Креста был сокращён до 6–8 недель; они должны были освоить различные виды перевязок, научиться основным принципам ухода за больными-

²⁹ Правила о сёстрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами // Основание Российского общества Красного Креста... Приложение № 23. С. 190–196.

ми и ранеными, познакомиться с разными формами наружных травматических повреждений (ушибами, контузиями, переломами, ранами) и внешними проявлениями внутренних болезней (тифа, рожи, гангрены и др.); от каждой из кандидаток требовались «терпение и самоотверженность в работе»³⁰.

Чтобы помочь Красному Кресту в подготовке женщин-медиков, Святейший Синод указом от 24 ноября 1876 г. призвал все женские монастыри и общины образовать «из подвизающихся в обителях лиц, способных к правильному уходу за больными и ранеными, отряды сердобольных сестёр для отправления в военные лазареты». От монахинь и послушниц требовалось также «заняться изготовлением корпии, бинтов и других лазаретных принадлежностей по указаниям Общества Красного Креста»³¹. Откликнувшиеся на этот призыв женщины не составили каких-то особых «отрядов сердобольных сестёр», а поступили в распоряжение Общества. Пройдя ускоренную подготовку, они были включены в состав санитарных отрядов Красного Креста и распределены по военно-временным госпиталям. Согласно отчёту обер-прокурора Святейшего Синода, с конца 1876 г. по конец 1877 г. «изъявили готовность посвятить себя на это служение 710 лиц из 95 женских монастырей и общин»³². Всего в годы войны в качестве сестёр Красного Креста было подготовлено около 3 тыс. женщин разных сословий³³.

Из женских православных обителей особо следует отметить Костромской Богоявленский монастырь. Ещё в 1873 г. по распоряжению императрицы Марии Александровны при нём были открыты две сельские лечебницы «для приготовления женщин к правильному служению больным и раненым»³⁴. Одна из них располагалась в здании приписного Крестовоздвиженского монастыря, другая – в Назаретской пустыни, в 15 верстах от Костромы³⁵. По указанию государыни костромское управление Общества попечения о раненых и больных воинах ежегодно выплачивало Богоявленскому монастырю денежное пособие в размере 1 тыс. руб., так как его лечебницы не только оказывали врачебную помощь нуждавшемуся сельскому населению, но и готовили на своей базе сестёр милосердия. Видимо, поэтому в исторической литературе данные лечебницы иногда ошибочно называют Костромской общиной сестёр милосердия Красного Креста³⁶. В 1877 г. при Богоявленском монастыре по программе ускоренной подготовки сестёр обучили 66 женщин (49 – монастырского звания и 17 – светского), из них 24 были монахинями и послушницами Богоявленского монастыря, 25 прибыли для обучения из других обителей (в том числе 12 – из Холмогорского монастыря Архангельской епархии)³⁷. Отправленный на театр военных действий отряд под руководством старшей сестры А. Д. Свербеевой (16 человек) в мае–сентябре 1877 г. работал при Александропольском военном госпитале. Остальные сёстры ухаживали за больными и ранеными воинами в лечебных учреждениях Кинешмы и Костромы³⁸.

³⁰ См.: Сёстры милосердия России. С. 206–207.

³¹ РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 353, л. 170 об.

³² Извлечение из отчёта по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1877 год. СПб., 1878. С. 21.

³³ Сёстры милосердия России. С. 207.

³⁴ РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 70, л. 185 об.–186.

³⁵ Белова Е. Е. Указ. соч. С. 35.

³⁶ Основание Российского общества Красного Креста... С. 146–147; Илинский П. А. Указ. соч. С. 272.

³⁷ Извлечение из отчёта... С. 22–23.

³⁸ Белова Е. Е. Указ. соч. С. 36.

Также в годы войны ряды сестёр Красного Креста пополнили монахини и послушницы следующих монастырей: Нежинского Введенского (60 человек), Макаковского Троицкого (3), Рязанского Казанского (21), Курского Свято-Троицкого, Белгородского Рождество-Богородицкого, Саратовского Крестовоздвиженского (10) и трёх общин Саратовской епархии: Краишевской (8), Дубовской и Каменно-Бродской³⁹. Некоторые из женских монастырей (Нежинский Введенский, Рославльский Спасо-Преображенский, Задонский Богородицкий, Браиловский Троицкий, Костромской Богоявленский) предоставили имевшиеся у них вне монастырских стен здания для устройства лазаретов. В основном же для этой цели во время войны использовались мужские обители (на соответствующий призыв Синода таковых откликнулось 85)⁴⁰.

Наиболее подготовленными для оказания воинам русской армии квалифицированной медицинской помощи были крупнейшие общины сестёр милосердия – Крестовоздвиженская, Святого Георгия, Свято-Троицкая, «Утоли моя печали» и Благовещенская, уже в начале войны отправившие свои отряды на театр военных действий. Распределением сестёр по госпиталям занимались уполномоченные Красного Креста, находившиеся при штаб-квартире действующей армии. Под эгидой Общества, ставшего главным центром деятельности частной помощи на войне, находились в то время практически все общины, независимо от их ведомственной принадлежности. Помимо распределения медицинского персонала, Общество взяло на себя также следующие функции: снабжение госпиталей хозяйственным и медицинским имуществом, формирование летучих отрядов для оказания помощи на перевязочных пунктах во время сражений, организацию транспортов и санитарных поездов, устройство эвакуационных пунктов, открытие самостоятельных (не подчинённых военному ведомству) лазаретов.

Первыми в действующую армию отправились 32 сестры Крестовоздвиженской общины под руководством старшей сестры Н. А. Щеховской. В день отъезда, 3 мая 1877 г., в церкви общины состоялся молебен, после которого духовный отец сестёр протоиерей Дмитрий Тихомиров благословил отъезжающих иконой Воздвижения Креста Господня и обратился к ним с напутственной речью. В частности, он отметил, что в нынешнюю войну им снова выпал прекрасный жребий пойти на дело милосердия первыми: «Не забывайте же славного прошедшего и держите высоко, крепко своё знамя. Пусть Крестовоздвиженская сестра по своему искусству, терпению и силе любви будет образцом для всех других лиц, которые вслед за вами пойдут на то же дело»⁴¹. Покровительница общины вел. кн. Екатерина Михайловна также провожала сестёр, благословив каждую из них иконой Божией Матери.

С 11 мая по 12 июня 1877 г. сёстры Крестовоздвиженской общины работали в 54-м военно-временном госпитале, расположенном примерно в 10 верстах от Бухареста. Затем их вызвали в Александрию, где они разделились на два отряда: 15 человек во главе с Щеховской служили в 66-м госпитале в Мавродине (через три недели их перевели в 57-й госпиталь, в деревню Зимничела), остальные 15 во главе с Надежиной – в 53-м, в местечке Пиатра. Часть сестёр из обоих отрядов были трижды командированы на передовую для работы на перевязочных пунктах: 15 июня – при переправе русских войск через Дунай,

³⁹ РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 70, л. 152, 154, 159; Извлечение из отчёта... С. 22–23.

⁴⁰ Извлечение из отчёта... С. 24–27.

⁴¹ Церковный вестник. 1877. № 18. С. 18.

30 августа – во время третьего штурма Плевны, 12 октября – в ходе сражения под Горным Дубняком⁴².

Изнурительный труд и болезни (тиф и лихорадка) подорвали силы крестовоздвиженских сестёр: одна из них скончалась, восемь были эвакуированы в Санкт-Петербург. Их заменили 10 вновь прибывших членов общины.

В январе 1878 г. сёстры перешли через Балканы, преодолев Шипкинский перевал. С того времени до возвращения в Россию (в августе 1878 г.) почти все они работали в Адрианополе, в 53-м и 69-м госпиталях. Семеро сестёр вновь заболели тифом, но поправились и возобновили служение, четверых задействовали для сопровождения раненых на одном из санитарных поездов. Врачи и ординаторы госпиталей отзывались о Крестовоздвиженских сёстрах исключительно как о профессионалах, отличавшихся неиссякаемой работоспособностью⁴³.

Вслед за ними, 8 мая 1877 г., на театр войны выехал первый отряд общины Святого Георгия, состоявший из 27 сестёр во главе с настоятельницей Е. П. Карцевой. Эта самоотверженная женщина ещё в 1854–1855 гг. под руководством Н. И. Пирогова ухаживала за ранеными в осаждённом Севастополе. В 1870 г. по просьбе председательницы 5-го Санкт-Петербургского Дамского комитета графини Е. Н. Гейден она перешла в Георгиевскую общину, чтобы помочь её становлению. Во время Русско-турецкой войны Елизавете Петровне было 54 года; внешне слабая и тщедушная, она обладала огромным запасом нравственных сил. Стойко перенося невзгоды, она подавала пример своим молодым подопечным. Через месяц после отъезда сестёр в общине Святого Георгия сформировали и отправили в действующую армию второй отряд (21 человек) во главе со старшей сестрой Рокоссовской.

Сначала оба отряда работали на 10 пунктах, расположенных вдоль Румынской железной дороги, около станций, назначенных для приёма с поездов тяжелобольных и раненых. С переходом русской армии через Дунай эти пункты были упразднены и сестёр распределили между госпиталями, находившимися в Бяле, Рушуке, Разграде, Тырново и Габрове. В Бяле община понесла первую потерю в лице молодой сестры М. Нееловой, скончавшейся от тифа. В августе 1877 г., в ходе столкновений русских и турецких войск при Аясларе, Езерджике и Карахасан-киой, на перевязочных пунктах действовал сформированный из четырёх сестёр летучий отряд⁴⁴.

Карцева и её группа (16 сестёр) работали в Горном Студене, во время штурмов Плевны их допустили на передовые позиции. Осенью 1877 г. сестёр перевели в Богот, в 69-й военно-временный госпиталь, принявший на своё попечение массу воинов, раненных под Горным Дубняком и Плевной. Условия, в которых они там жили, и царившее среди них настроение ярко описал очевидец событий: «Весь госпиталь раскинут на вспаханном поле: и потому – грязь непроходная и до того клейкая, что через несколько шагов вы таскаете как-бы страшные кандалы; а при малейшем дожде до того скользко, что двигаешься с постоянным страхом. Зимой со всех сторон занесены снегом палатки госпиталя. Сёстры сильно перезябли, они помещаются доселе в юртах – дырявые стены юрт дают свободный ход всем четырём ветрам, дождь и снег проскальзывают постоянно неожиданными гостями. Пол промёрзший; а после полудня

⁴² Илинский П. А. Указ. соч. С. 151–152.

⁴³ Там же. С. 151–154.

⁴⁴ РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 654, л. 9–9 об.; Исторический очерк общины сестёр милосердия Святого Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870–1895). СПб., 1895. С. 11–12.

или после топки – грязь и слякоть. К утру юрты так стынут, что нужно отогреть заледеневшие сапоги прежде, чем надеть их. Если ночью была вьюга, то платье выгребают из-под снега и тут же надевают его. Одна из сестёр слегка отморозила себе ноги. Все эти невзгоды переносятся пока бодро и весело, всякий новый сюрприз в юрте, вроде ледяных сосуллек, подмокшей постели, застывших сапог, отогреваемых на жаровне, возбуждает смех. Серьёзно больных или опустившихся нет, но прихварывают постоянно. Старушка Карцева переносит пока войну героически»⁴⁵. Сама Елизавета Петровна писала родным: «Не тоскуйте обо мне! По милости Господа, я молодцом, и, кроме начавшегося к осени ревматизма, никаких недугов не знаю»⁴⁶.

В октябре–ноябре 1877 г. в Боготе побывал Пирогов, получивший поручение императрицы осмотреть санитарные учреждения Общества в Румынии, Болгарии, Бессарабской губернии и Юго-Западном крае России⁴⁷. На самом деле внимание знаменитого хирурга было направлено на все лазареты, независимо от их ведомственной принадлежности. Николай Иванович справедливо полагал, что «нельзя изучать работу Красного Креста во время войны без знаний о работе военно-медицинской организации, и обратно», ибо он «не должен конкурировать с помощью, которую оказывает военная медицина, они должны действовать совместно»⁴⁸. Что касается 69-го госпиталя, то Пирогов в своих записках также отметил «невообразимо густую и топкую грязь» Богота и холод в палатках, куда заблаговременно не поставили печи. «Даже в юрту, где помещались сёстры с Е. П. Карцевой, – писал он, – я только по личному докладу главнокомандующему едва мог доставить одну железную печку»⁴⁹. По словам хирурга, его старая знакомая и её подопечные работали в госпитале «с истинным самоотвержением»⁵⁰.

Палатки, в которых во время войны располагались почти все военно-временные госпитали, изначально предназначались для тёплого времени года, однако лишь немногим с наступлением холодов удалось перейти на «зимние квартиры». В условиях большой мобильности войск, климатических условий и особенностей местности, где дерево оказывалось подчас дороже золота, возводить бараки было крайне сложно, а получить под лазарет готовое капитальное здание удавалось не всегда.

В сходных условиях в конце ноября – начале декабря 1877 г. находился и 62-й военно-временный госпиталь в Тырново. По воспоминаниям сестры Георгиевской общины, скрывшей своё имя за инициалом «О.», после приезда к ним Пирогова, который «изрядно распёк госпитальное начальство», «шатры окопали снаружи, обложили соломой, устроили в них печи», после чего «стало сравнительно теплее». Но достигнуть желаемого результата всё же не удалось из-за нехватки дров («печи есть, а дров не дают»)⁵¹. Отмечу, что в Боготе даже этих мер принять не удалось – солома там была в большом дефиците, а око-

---

⁴⁵ Цит. по: *Илинский П. А.* Указ. соч. С. 157–158.

⁴⁶ Там же. С. 158.

⁴⁷ РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 38, л. 248 об.–250.

⁴⁸ Цит. по: *Плугина Л. П.* Н. И. Пирогов и свобода Болгарии // За други своя. Россия – Болгария. Ожившие страницы боевого братства. М., 2013. С. 247.

⁴⁹ *Пирогов Н. И.* Из записок // Не смолкнет эхо над Балканами. Воспоминания. Письма. Публицистика. Статьи. М., 1988. С. 250–251.

⁵⁰ Там же. С. 250.

⁵¹ Из путевых записок сестры милосердия 1877 и 1878 гг. // Русский вестник. 1879. № 2. С. 588.

пять палатки землёй не успели из-за рано начавшейся непогоды⁵². По мнению автора воспоминаний, в проблемах 62-го госпиталя отчасти был виноват их комиссар, неоднократно уличённый в воровстве. В частности, сестра постоянно «воевала с ним» из-за размеров и качества порций еды, выдававшихся больным солдатам. Однажды она попросила дежурного офицера взвесить «куски варёной говядины», показавшиеся ей подозрительно небольшими – вместо положенных 40 золотников в них оказалось всего 16: «По сему случаю комиссару был сделан строгий выговор, но от этого дело не поправилось»⁵³.

После падения Плевны Георгиевские сёстры работали в габровском лазарете, оказавшемся в критическом положении вследствие огромного наплыва раненых, обмороженных и больных, привозимых из-под Шипки. Ситуация ещё более осложнилась, когда в город прибыла большая партия пленных турок, многие из которых поступили в лазарет с отмороженными, омертвевшими конечностями. В начале 1878 г. началась эпидемия тифа, поразившая поочерёдно практически всех сестёр. Наиболее измученных и обессиленных женщин отправили в Санкт-Петербург, остальные же после выздоровления продолжили свою работу: 21 сестра во главе с Е.П. Карцевой – в Тырнове в 62-м военно-временном госпитале и 11 (под началом Е.А. Королёвой) – в Разграде⁵⁴.

В апреле 1878 г. Карцева получила предписание приехать с общиной в Сан-Стефано. 22 апреля сёстры перешли через Балканы и на русских передовых позициях близ Константинополя застали переполненные дивизионные и полковые лазареты (в некоторых полках число больных превышало 1 500 человек), не имевшие самого необходимого (палаток, белья, медикаментов). Сёстры вновь включились в борьбу с главным бичом этой войны – тифом, снова почти все им переболели, а одна из них – Лбова – скончалась. В июне оправившиеся от тифа сёстры начали работать в 74-м военно-временном госпитале, служившем главным эвакуационным пунктом, через который в течение трёх месяцев прошли 40 тыс. человек. Наконец, в сентябре 1878 г., после 17-месячных непрерывных трудов, члены Георгиевской общины вернулись в Санкт-Петербург.

Свято-Троицкая община сформировала отряд в составе 32 человек – 21 сестры и 11 примкнувших к ним дам высшего света, прошедших 8-месячный курс обучения. Среди дам находилась баронесса Ю.П. Вревская, ставшая народной героиней Болгарии. Уже при отправлении из Санкт-Петербурга отряд разделили на два отдела: первый (12 сестёр и 9 дам) во главе с начальницей общины Е.А. Кублицкой-Пиоттух был командирован в Яссы, в 45-й военно-временный эвакуационный барак, второй (9 сестёр и 2 дамы) – в лазарет 1-го отделения Санкт-Петербургского Дамского комитета, развёрнутый в Киприановском монастыре в Бессарабии. После закрытия этого лазарета в октябре 1877 г. сёстры второго отдела присоединились к своим коллегам, работавшим в Яссах. Также члены общины были командированы в учреждения Красного Креста, расположенные во Фратешти, Журжево и других местах Румынии. Кроме того, они сопровождали раненых на санитарных поездах⁵⁵.

Вревская, получив 5 ноября 1877 г. двухмесячный отпуск, вместо запланированной поездки домой отправилась в Болгарию и по собственной иници-

⁵² Пирогов Н.И. Указ. соч. С. 251.

⁵³ Из путевых записок сестры милосердия 1877 и 1878 гг. С. 582–583.

⁵⁴ РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 654, л. 9 об.–10; Исторический очерк общины сестёр милосердия Святого Георгия... С. 12–13.

⁵⁵ Илинский П.А. Указ. соч. С. 149–150.

циативе работала в 48-м военно-временном госпитале в Бяле. «Тут уж лишения, труд и война настоящая, щи и скверный кусок мяса, редко вымытое бельё и транспорты с ранеными на телегах», – писала она своему близкому другу И.С. Тургеневу⁵⁶. В письмах сестре Наталье Юлия Петровна признавалась, что, несмотря ни на что, ей «по душе» такая жизнь и «по сердцу» работа сестры милосердия. 30 ноября 1877 г., во время сражения при деревне Мечке, Вревская была на передовой. Через несколько дней она поделилась с сестрой своими впечатлениями: «Вот я и достигла моего задушевного желания и была на перевязочном пункте, т. е. в деле... Мы были на самом передовом пункте, но, конечно, в овраге. Я видела издали летящие снаряды, т. е. дым, и к нам беспрепятственно привозили по 2–3 человека окровавленных солдат и офицеров. Двоих привезли с раздробленными ногами, и им тут же сделали ампутацию их; один из них тут же умер. Сцены были ужасные и потрясающие – мы, конечно, были все в опасности, весь день до глубокой ночи делали перевязки, нас было всего три сестры, другие не успели приехать. Раненых в этот день на разных пунктах было 600 вместе с убитыми; раны все почти тяжёлые, и многие из них уже умерли. Победа осталась за нами, как тебе известно»⁵⁷. 4 января 1878 г. Вревская заразилась сыпным тифом и 24-го скончалась. Её похоронили в Бяле около православного храма вместе с сестрой Георгиевской общины Нееловой, умершей тремя днями позднее.

Тургенев откликнулся на смерть своей подруги стихотворением в прозе «Памяти Ю.П. Вревской». Ей посвятили стихи Я.П. Полонский («Под Красным Крестом») и В. Гюго («Русская роза, погибшая на болгарской земле»). В 1965 г. в Бяле был установлен памятник Юлии Вревской работы скульптора Д. Радивоевича. Все эти произведения искусства сделали широко известным имя Вревской, которое в культурной памяти России и Болгарии постепенно обросло легендами.

По мнению Илинского, на долю сестёр Свято-Троицкой общины «всегда выпадало самое тяжёлое время во всех местах их занятий»: например, «в Яском бараке они начали свою деятельность тогда, когда число доставляемых туда раненых и больных достигало своего максимума» (около 1 тыс. человек в день); во Фратешти и Журжево их командировали в тот период, когда там свирепствовала эпидемия тифа (помимо Вревской, в 1877–1878 гг. от тифа погибли также В. Новикова и М. Долодугина, а переболела им половина отряда); наконец, в результате чрезмерного скопления в бараке воинов, подлежащих эвакуации, сёстрам пришлось сопровождать их не на комфортабельных поездах Красного Креста, а на простых товарных, «лишённых всякого малейшего приспособления», где на 600–750 больных полагалось всего 2–3 сестры⁵⁸.

При открытии кампании Красный Крест, помимо прочего, взял на себя обязательство изготовить для эвакуации больных и раненых воинов санитарные поезда, количество которых предполагалось довести до десяти. План перевыполнили, и к концу 1877 г. действовали уже 24 поезда⁵⁹. Каждый из них, носивший, как правило, имя одного из членов Российского Императорского Дома, прошёл соответствующие испытания, был оборудован всем необходимым и существенно отличался от всех прочих, используемых во время войны для тех

⁵⁶ *Вревская Ю. П.* Письма из Болгарии // За други своя. Россия – Болгария... С. 261.

⁵⁷ Там же. С. 261–262.

⁵⁸ *Илинский П. А.* Указ. соч. С. 149–150.

⁵⁹ РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 40, л. 1 об.; д. 38, л. 265.

же целей. Участник событий священник 9-го гренадерского Сибирского полка, благочинный 3-й гренадерской дивизии Вакх Гурьев писал: «В течение целого дня, который мы здесь простояли (25 сентября 1877 г., деревня Унгены у границы России. — *Л.М.*), по железной дороге проехало несколько санитарных поездов, между которыми и по наружному их виду, и по внутреннему устройству нельзя не заметить огромной разницы: одни — великолепные, щёгольские, со всевозможными приспособлениями; другие — обыкновенные товарные. Первые устроены августейшими членами императорской фамилии или разными обществами и частными лицами; вторые — собраны со всех железных дорог и приспособлены для перевозки больных и раненых... В чём, собственно, состоят эти приспособления — не знаю... В десять—двадцать вагонов я заглядывал и нигде никаких приспособлений не заметил: обыкновенные товарные вагоны, в которых, и то не во всех, настлана солома довольно тонким слоем и на ней в два ряда лежат несчастные страдальцы — вот и всё... Значит, и тут счастье или глупая судьба играют свою роль: на какой поезд попадёшь»⁶⁰. Последнее замечание можно отнести не только к раненым, но и к сёстрам милосердия.

Членам Благовещенской общины в этом смысле повезло больше. По распоряжению императрицы Марии Александровны их специально назначили работать на санитарных поездах Красного Креста, перевозивших раненых и больных от Дуная до русской границы. Эта община (131 сестра) во главе с Сабининой прибыла в Румынию в середине мая 1877 г. До открытия движения санитарных поездов в течение месяца сёстры находились в 57-м военно-временном госпитале в Галаце и на перевязочном пункте на берегу Дуная. 12 июня стоявшие в Бухаресте и готовые к отъезду санитарные поезда осмотрел Александр II (его сопровождали цесаревич Александр и великие князья Владимир, Алексей и Сергей Александровичи). На следующий день началась эксплуатация поездов. Сёстры в течение 15 месяцев работали на 16 санитарных поездах, совершив в общей сложности 330 рейсов и преодолев около 375 тыс. км.⁶¹

Каждый поезд, вмещавший в себя 200–300 человек, сопровождали шесть сестёр (старшая из них перед отправлением в рейс заказывала и получала на складе в Бухаресте всё необходимое — чистое бельё, продукты и др.) и один—два врача (или фельдшера). В сентябре—октябре 1877 г. несколько сестёр общины также делали перевязки и раздавали пищу раненым и больным солдатам, проезжавшим через Бухарест на воинских поездах⁶².

В декабре 1877 г. на попечение сестёр Благовещенской общины поступил раненный в ногу главнокомандующий турецкой армией Осман-паша, сдавшийся в плен после взятия Плевны и отправлявшийся на жительство в Россию. Его поместили в отдельный вагон санитарного поезда, устроенный «в турецком вкусе» (с коврами, тахтой и кальяном). Специально для ухода за ним Сабинина назначила доктора и сестру. Перед отъездом Осман-паши из Бухареста его навестили настоятельница общины и баронесса Фредерикс. Последняя вспоминала, что он остался «очень доволен своим помещением, устройством вагона, вообще всей обстановкой, окружавшей его, и в прочувствованных словах благодарил М.С. Сабинину»⁶³. Затем, указав на висевшую на стене вагона саблю, он заме-

⁶⁰ Гурьев В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007. С. 3–4.

⁶¹ РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 17, л. 117–118.

⁶² Там же. Л. 119–120.

⁶³ Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Русский архив. 1900. № 5. С. 110.

тил, что её милостиво возвратил ему российский император. В апреле 1878 г. «в знак памяти» Осман-паша прислал Сабининой свою фотографию и письмо, полное «бесконечной благодарности» за деликатное отношение к нему⁶⁴.

В апреле–сентябре 1878 г. сёстры Благовещенской общины работали также на санитарной флотилии, перевозившей раненых и больных по Дунаю. Необходимые для этого суда – два реморкёра (буксирных парохода) «Александр» и «Мария» и шесть барж – были арендованы Красным Крестом у Императорского королевского австрийского пароходного общества «Лойд». В марте по поручению главноуполномоченного Красного Креста П. А. Рихтера Сабинина отправилась в Австро-Венгрию заниматься «внутренним устройством» этой флотилии. В Вене она закупила посуду и постельное бельё, в Пеште заказала устройство на судах необходимых приспособлений для размещения больных и раненых. 3 апреля санитарная флотилия прибыла в Журжево и через день начала рейсы. Суда курсировали между Видином, Никополем, Рущуком, Журжево, Силистрией, Черноводами и Тульчей, доставляя эвакуируемых в Браилов или Рени для передачи их на санитарные поезда. На каждый реморкёр были распределены по две сестры, на большие баржи – по шесть, на маленькие – по четыре. Один пароход и три баржи непрерывно совершали рейсы с 5 апреля по 6 июня 1878 г., остальные суда – с 5 апреля по 3 сентября – день отъезда общины на Родину⁶⁵.

Кроме специального назначения Благовещенских сестёр состоять при эвакуации больных и раненых, часть из них командировалась в военно-временные госпитали: 75-й, находившийся во Фратешти, 47-й – в Зимнице, 56-й – в Разграде. С 14 июня по 22 августа 1877 г. несколько сестёр поочередно дежурили в бухарестском госпитале «Бранковано» при раненом художнике В. В. Верещагине. В феврале 1878 г., во время эпидемии тифа, Сабининой и её подопечным поручили устроить в Бухаресте новый тифозный лазарет для персонала Красного Креста. В конце апреля – начале мая лазарет вместе с персоналом был переведён в Журжево. Из сестёр Благовещенской общины во время войны тифом заболели 53, две из них скончались – Е. Н. Горбачёва и монахиня Амвросия (Чунихина)⁶⁶.

Московская община «Утоли моя печали» организовала три отряда общей численностью 120 человек, в состав которых вошли не только штатные сёстры, но и прошедшие ускоренный курс обучения волонтерки⁶⁷. Первый отряд, отправившийся на театр военных действий 18 мая 1877 г., возглавила начальница общины княгиня Шаховская. Сёстры, разделённые на несколько групп, работали на территории Румынии и Болгарии в 51, 52, 63, 64 и 65-м военно-временных госпиталях. Напряжённый труд, непривычный климат и эпидемии унесли жизни шести сестёр общины, более 40 вернулись на родину из-за расстроенного здоровья. При этом после окончания боевых действий по просьбе военного начальства 65 сестёр остались ещё на несколько месяцев при тех же военно-временных госпиталях, где служили. Госпитали в это время находились соответственно в Габрове, Браилове, Адрианополе, Бухаресте (в больнице Святого Пантелеймона) и Рени близ Галаца⁶⁸.

⁶⁴ Там же. С. 111.

⁶⁵ РГВИА, ф. 12651, оп. 3, д. 17, л. 122 об.–123 об.

⁶⁶ Там же, л. 120–122, 123 об.–124 об.

⁶⁷ Там же, оп. 1, д. 70, л. 56. По данным П. А. Илинского, община «Утоли моя печали» отправила на войну 128 человек (*Илинский П. А. Указ. соч. С. 162*).

⁶⁸ РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 70, л. 56–57; *Козловцева Е. Н. Указ. соч. С. 162*.

Часть сестёр общины заботилась о больных и раненых не только на театре военных действий, но и в Москве. В годы войны в России были открыты сотни специальных лазаретов и госпиталей, куда доставлялись с фронта эвакуируемые воины. В результате успешно действовавшей «системы рассеивания» в военно-временных госпиталях вблизи мест сражений оставались только тяжело-раненые, не подлежащие транспортировке, все остальные после оказания им первой помощи эвакуировались в Россию. В Москве действовали 27 госпиталей (8 из них содержались на средства городской думы, 19 – за счёт других учреждений и частных лиц). Один из самых больших временных московских госпиталей – Лефортовский, рассчитанный на 200 мест, сформировала община «Утоли моя печали». Именно сюда поместили первых доставленных в Москву раненых – солдат Рязского и Рязанского пехотных полков, в ночь с 9-го на 10 июня 1877 г. форсировавших Дунай. Кроме того, община устроила специальный лазарет для тифозных больных⁶⁹.

Подобным образом во время войны действовали и члены других общин, а также сёстры Красного Креста, прошедшие ускоренные курсы. Всего в 1877–1878 гг. на театр военных действий было направлено около 1 300 сестёр милосердия⁷⁰.

Солдаты любили и уважали их, называли «сеструшками», «голубками», «нашими родимыми». Сёстры не только перевязывали раненых, ассистировали врачам во время операций, раздавали больным лекарства, но и кормили своих подопечных, меняли им бельё, содержали в чистоте лазареты, при отправлении транспортов раздавали эвакуируемым тёплые вещи и т. д. Не менее важной оказывалась и их моральная поддержка. По свидетельству вышеупомянутой сестры Георгиевской общины («О.»), солдаты утверждали, что с сёстрами «легче умирать». Один из них перед смертью отдал ей на память самое дорогое, что у него было – свой Георгиевский крест⁷¹.

За участие в войне с Турцией в 1877–1878 гг. сёстры милосердия получили различные награды. 19 февраля 1878 г., в день подписания Сан-Стефанского мирного договора, Александр II учредил знак отличия Красного Креста «в награду особам женского пола, которые, посвятив себя попечению о раненых и больных воинах, своею деятельностью и рвением на сём поприще оказывают особенные заслуги и известны при том своими высокими нравственными качествами»⁷². Награду жаловала императрица с соизволения императора, по их собственному «благоусмотрению» или по представлениям министерств и Главных управлений, к ведомству которых принадлежали награждавшиеся. Знак имел две степени: 1-я (высшая) представляла собой эмалевый красный крест в золотом ободке с круговой надписью: «За попечение о раненых и больных воинах», 2-я – такой же крест в серебряном ободке с той же надписью. Обе степени носились на левой стороне груди, в петлице, на ленте ордена Св. Александра Невского. Знак жаловался последовательно: сначала 2-й степени, потом – 1-й, однако в особых случаях награждение могло производиться сразу знаком высшей степени⁷³. За заслуги в войне знаком отличия Красного Креста были награждены несколько сотен сестёр милосердия, в том числе 71 человек – 1-й степени. Кроме того,

⁶⁹ Козловцева Е. Н. Указ. соч. С. 162–163.

⁷⁰ Сёстры милосердия России. С. 211.

⁷¹ Из путевых записок сестры милосердия 1877 и 1878 гг. С. 581–582, 589.

⁷² ПСЗ-II. Т. 53. Ч. 1. СПб., 1880. № 58217.

⁷³ Там же.

все сёстры милосердия получили знак Красного Креста, учреждённый 13 марта 1879 г. для лиц обоего пола, принимавших участие в деятельности Общества во время войны. Это был эмалевый красный крест в овальном серебряном ободке в виде ленты, перевязанной на бант и увенчанной императорской короной; на левой и правой сторонах ленты – выпуклые даты «1877» и «1878»; знак носили на левой стороне груди⁷⁴. Наконец, сёстры были награждены медалью в память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (учреждена Александром II 17 апреля 1878 г.). Те, кто находились на передовой и подвергали свою жизнь опасности, получили светло-бронзовую медаль; участвовавшие в войне, но не бывшие в боевых действиях, а также работавшие в регионах России, объявленных на военном положении – тёмно-бронзовую. На лицевой стороне медали в центре изображён окружённый сиянием православный крест, находящийся над поверженным полумесяцем; вдоль бортика с двух сторон – даты «1877» и «1878»; на обороте – надпись: «Не нам, не нам, а Имени Твоему», обрамлённая снизу и с боков двумя лавровыми ветвями, связанными лентой; медаль носили на груди на комбинированной Андреевско-Георгиевской ленте⁷⁵.

Общинам сестёр милосердия, занимавшимся попечением о раненых и больных воинах, как на театре военных действий, так и внутри России, императрица Мария Александровна решила изъявить своё особое благоволение. В ноябре 1879 г. «в воспоминание усердных трудов и сердобольного служения во время минувшей войны» она пожаловала девяти из них (Свято-Троицкой, Святого Георгия, Покровской, Крестовоздвиженской, Владычне-Покровской, «Утоли моя печали», Иосифовской, Иоанно-Ильинской и Благовещенской) по честной иконе Спасителя в серебряном позолоченном ободке с изображением Красного Креста и соответствующей надписью⁷⁶.

Тяжёлые климатические и походные условия, в которых оказались сёстры милосердия во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., не только существенно осложняли их жизнь и деятельность, но и не позволяли подчас полностью добиться необходимых результатов. Пирогов справедливо писал: «На войне в полудикой и нецивилизованной стране... с первобытными и испорченными путями сообщения, с угнетённым и потому скрытым народонаселением, когда всё необходимое для армии должно доставляться издалека..., ни широко организованная частная помощь, ни опытность и самоотвержение врачей и сестёр не могут достаточно содействовать к улучшению госпитального быта и тех санитарных условий, которые так необходимы для оказания помощи раненым и больным... Стоит только погоде измениться или развиться эпидемии, и лишения всякого рода и беспомощность делаются неизбежными»⁷⁷. Тем не менее, несмотря ни на что, сёстрам милосердия удалось сделать очень многое. Они помогли врачам спасти жизни тысяч солдат и офицеров, а также ещё раз доказали правильность и необходимость применения частной помощи на войне и женского ухода за ранеными. После войны в России возникли десятки новых общин сестёр милосердия, а Общество попечения о раненых и больных воинах, переименованное в 1879 г. в Российское общество Красного Креста, успешно пройдя первое «боевое крещение», получило мощный импульс для дальнейшего развития.

⁷⁴ Там же. Т. 54. Ч. 1. СПб., 1881. № 59404.

⁷⁵ Там же. Т. 53. Ч. 1. № 58413; Ч. 2. СПб., 1880. № 58853.

⁷⁶ РГВИА, ф. 12651, оп. 1, д. 70, л. 79, 213.

⁷⁷ Пирогов Н. И. Указ. соч. С. 252–253.